

ДВА ЖУРНАЛА

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Существует ли взаимодействие между научно-технической революцией и искусством, в частности литературой? Вопрос этот неоднократно дискутировался и не получил законченного решения. Несомненно следующее — НТР породила новые искусства, например, художественную фотографию, дизайн, электронную музыку, телевидение, оформительское искусство. Она необычайно способствовала доступности искусства, позволила тиражировать его в огромных масштабах. Люди повсюду имеют возможность видеть постановку лучших театров, встречаться с лучшими артистами. Это, несомненно, содействует пониманию явлений искусства, развивает вкус, повышает культуру. Возник новый жанр в литературе — научная фантастика, и мы можем говорить о существовании советской научно-художественной литературы.

Успехи НТР породили у ее творцов некоторое чувство превосходства над искусством. На фоне триумфов НТР оно представляется рутинным, малоподвижным, тем более, что оно, это искусство, сегодня во многом зависит от техники. В нем та постоянность, которая смущает и в то же время радует, потому что в этом великая ценность и сила искусства — в том, что нас все так же волнуют и трогают строки, написанные много лет тому назад: «Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит...». Разумеется, искусство жадно присматривается и вбирает в себя явления современности. Чаплин первый увидел в «новых временах» всю фантастасмагорию машинного мира; человек, попавший между колес огромной машины, — это был бой, который Чаплин повел в защиту человека. Великий художник не умилялся этой машиной, он тревожился, чтобы человек не затерялся в машине.

Зачем же оно нужно, искусство, в этом бурном техническом прогрессе? Не отвлекает ли оно, не излишество ли оно, не дань ли оно сентиментальным пережиткам прошлого? В дискуссии, проведенной журналом «Вопросы философии», один из выступавших заметил, что вместе с проблемой охраны внешней среды возникает проблема охраны внутреннего мира человека. Так же, как в первом случае, неопределима роль науки, так во втором случае неопределима роль искусства.

Современное производство требует машины, управляющей, принимающей решения; работающий человек в условиях буржуазного общества часто оценивается как бы своей «машинностью»: чем больше в нем машинности, тем есть чем меньше эмоций, которые понижают эффективность системы, чем меньше возможности отвлекаться, тем он лучше как работник. Он хорош, когда нет ни переживаний, ни мечтаний, когда в нем минимум индивидуальных процессов. Такой работник для любого капиталистического предприятия самый выгодный.

Мы считаем, что подобная функциональность обедняет и перекашивает человека. Литература отстаивает целостность личности, сохраняет внутренний мир человека, мешает его эрозии. Вот почему так горячо воспринимаются сегодня книги, где главное — не производство, а человеческие, нравственные проблемы, где

велико внимание к душевной жизни человека.

Некоторые критики стали преподносить нравственность как понятие неизменное, прежде всего крестьянское, делать старую русскую деревню источником духовных добродетелей. Оттуда, мол, все пошло и там все хранится. Истинно народное — значит, деревенское, деревня — это хорошо, а вот город — это плохо, город чуть ли не исчадие зла и порока. Эти крайности антиисторичны. А где же при всем при том рабочий класс? Тот класс, который делал революцию? В крови и беспощадности гражданской войны рождалась пролетарская народная мечта о царстве свободы. Отвергая мир эгоизма, корысти, невежества, идиотизма деревенской жизни, где калечились лучшие чувства, уродовалась любовь, где бедность была позором, пролетариат отстоял то лучшее, что цинично использовалось в народном характере церковью, властью. Новая нравственность нашего общества росла, укреплялась под руководством рабочего класса — строителя индустрии, делателя технического прогресса. Как же можно противопоставлять сегодня деревню городу, выдавать идиллических деревенских старух за главных хранителей добра, честности? Да и человек в деревне стал иной.

Литература, посвященная заводскому труду, его красоте, его романтике, почти не имеет традиций. Начиная с «Цемент» Гладкова и вплоть до «Битвы в пути» Галины Николаевой она набирала свои высоты и ныне, как мне кажется, начинает осваивать качественно новую для себя сферу, связанную с НТР, с бурными изменениями внутреннего мира трудового человека. Мне вспоминаются книги молодых — Битова, Антропова, Скопа, Курчаткина, Тублина, Солнцева, Бондаренко, Мусаханова, Константиновского — я называю лишь то, что я читал. И даже эта малая часть той литературы, которая существует, порождает ощущение новой волны и подъема многообещающего...

Тут я хочу остановиться и на наиболее близкой и милой моей душе литературе, связанной с наукой и учеными. Я вовсе не собираюсь отстаивать ее специфику. Любое деление литературы по профилям вызывает эффективные наскоки, суть которых состоит в том, что нет литературы деревенской, литературы рабочей, а есть, мол, литература о человеке. Все это давно известно. И тем не менее я выискиваю на книжных прилавках книги и романы об ученых.

Мир ученых не есть какой-то особый мир избранных людей. Но через него нагляднее выявляется творческая сущность человека. Ученый, будь он большой или малый, — это борец, стремящийся создать новое, преодолевающий старые догмы, человек, который живет в завтрашнем дне. В его деятельности, может быть, внешне скромной и невыразительной, существуют богатейший спектр чувств, взлеты и неудачи, приключения мысли, поиски тайны. Конечно, трудно раскрыть эту внутреннюю жизнь духа, не упрощая, не вульгаризируя, сделать ее понятной, близкой читателю. Особенно трудно это сегодня,

когда ученый, любой научный сотрудник работает в большом коллективе, когда он совершает малую часть работы, связанной с большой проблемой.

Полезно вспомнить, что художественная литература никогда особенно не преклонялась перед наукой. Она относилась к науке с разумным скептицизмом. Можно вспомнить и Гете, и Чехова, и Толстого, и Свифта, и Щедрина, и Достоевского. Стремление к просвещению — это одно, а что касается образа самого ученого, культа ученого, то здесь царил тот здоровый критический подход, которого, мне думается, не хватает нашей литературе. Наше восхищение, связанное с НТР, с возможностями и размахом современной науки, мы невольно переносим на ее творцов. Мы не хотим замечать ограниченности иных узких специалистов, их бескультурья, делячества, мы уходим от обстановки псевдонауки, от явлений, связанных с погоней за званиями, степенями, с борьбой честолюбий и тщеславия. Все это появляется в книгах лишь попутно, оттеняя благородство и одержимость главного героя. Я говорю об этом и самокритично, поэтому без оговорок. В своих восторгах мы иногда становимся технократами. Маяковский заметил, что, если на технику не надеть эстетического намордника, она перекусает все человечество. На науку такой намордник надеть труднее. Наука должна сама осознать нравственное содержание своего выбора и своих решений. Чистая логика тут бессильна. Тут не всегда можно вычислить. Тут скорее поможет любовь и ответственность.

Разумеется, ученому не обязательно увлекаться поэзией, музыкой или живописью. И писатель может не интересоваться астрономией, биологией и прочими науками и при этом хорошо писать. Возможно, ученый, не знающий ни истории, ни живописи, будет хорошим ученым. Однако все это до тех пор, пока мы рассматриваем ученого изолированно, отдельно. Когда же мы берем его не как ученого, а как личность, его взаимодействие с людьми, тут требуются другие оценки. Нравственные критерии общения требуют развития совести, души и думания. Процесс физического развития человека, его совершенствования нуждается в сырье, в топливе. А чем развивается душа человека? Известно, что психология человека переделывается куда медленнее, чем материальные основы его жизни.

На выездном заседании секретариата правления СП РСФСР, посвященном теме «Личность — НТР — литература», академик Г. И. Марчук сказал: «НТР каждодневно преподносит нам проблемы социально-нравственные, экономико-нравственные, где нет правых и виноватых, где нет единственных решений, где один долг противопоставлен другому долгу».

Но большие, настоящие характеры создаются именно в такой диалектике жизни, в поисках, сомнениях и мучениях, где важна не только правильность решения, но (и это

прежде всего) развитие душевной жизни героев.

Литература не подсобное средство для НТР, хотя многие считают, что она существует для пропаганды задач НТР, для воспитания хороших специалистов, для показа успехов атомной энергетики или молекулярной биологии. История литературы свидетельствует, что производственные романы оказывались жизнестойкими, если в них сосредоточивались главные социальные заботы времени, а не проблемы кислородного дутья, скорости турбулентности. Эпоха НТР входит в литературу прежде всего через миропонимание писателя, через острые человеческие и общественные проблемы, а не через очередные достижения техники или технологии, которые автор искренне пропагандирует.

Эпоха НТР — эпоха сложных систем, сложных ситуаций, где больше надо раздумывать над своими поступками. Читатель ищет героев мысли, богатой души, которые стали бы для него не только и не столько положительными, сколько любимыми героями. Подобно людям, украшающим галерею человечества, — допустим, Толстому, Горькому, подобно ученым, таким, как Курчатов, Вавилов, Бор. Это герои, работающие и мыслящие широко, граждански смело, люди действия и духовной красоты, в которых раскрывается передовая идеология времени. Это герои со своими проблемами миропорядка, со своими мировыми вопросами, соразмерные с теми героями, каких изображали Достоевский, Толстой, Горький. Разве сегодня не существует вопроса: зачем человек живет, к чему стремится, что он, один человек, может в этом мире? Думается, что именно новые научные знания, машины, космос — все то, что мы вкладываем в довольно расплывчатое и тем не менее необходимое понятие «НТР», — все это заставляет, как никогда раньше, остро задаваться извечным вопросом о смысле человеческого бытия. Требуется от меня понять, что же такое «я», что же такое моя душа и на что она имеет право, что такое любовь, что означает смерть, зачем я живу. И великое множество вопросов и задач, которые ставила всегда литература.

Все великие писатели мира, и русские в особенности, пострадали современного человека, любовь к нему, утверждая жизнь на основе справедливости, по законам красоты и любви, сострадая к бедным, к униженным и оскорбленным. Ныне, когда мощные научно-технические свершения так сильно воздействуют на психику человека, когда наука открывает великолепные и опасные возможности познания человека, управления человеком, происходит сближение литературы с жизнью и все более могущественной наукой. Они обе нуждаются друг в друге. Их соединяет не только забота о благе человека, но и ответственность за судьбу мира и человечества. Советская литература всегда служила гуманным идеалам социализма. Наука и литература, НТР и искусство — два крыла современной культуры, благодаря им человек нашего общества может обрести себя, обрести сокровенности и полноту жизни.

Даниил ГРАНИН.
г. Ленинград.